

Старая пытка на новый лад

Аделина Рутцен

Рутцен относится к работам на общественное благо, как к минимальному необходимому злу. Во-первых, потому что лень девушке все-таки не чужда, и любая необходимость закатывать рукава и пугать накопившуюся пыль влажной серой тряпкой воспринимается без восторга. А во-вторых, зло все-таки и впрямь минимальное, предлагаемые к покорению и ликвидации завалы отнюдь не имеют катастрофических, тяготеющих к глобализму размеров. Никто не предлагает дежурным стать Эдмундами Хиллари общественныххламоуборочных работ. И это обстоятельство, безусловно, является благом, переоценить которое сложно.

Рутцен заходит в сарай в костюме, который кажется немке максимально подходящим для такого не праздничного мероприятия как уборка — на девушке старые, потертые и основательно разношенные джинсы, едва ли не более древний и столь же потрепанный свитерок, а волосы надёжно упрятаны под косынку — и обводит помещение настороженным взглядом, пытаясь за первую же минуту обнаружить все потенциальные опасности и придумать, как от них избавиться. Вдруг, скажем, срочно потребуются бежать за какими-нибудь химикатами, чтобы "зачернобылить" сарай напалмом от крыс и прочей нечисти. Но в первую минуту ничего подобного не обнаруживается, да и вообще степень опасности Аделина оценивает как очень и очень, мать её, низкую, буквально взглядом зацепиться не за что. Единственное что — перестраховочная потёртая одежда теперь смотрится странно и несколько неуместно. Но было бы куда неуместнее, считает Рутцен, явиться в платье как для дискотеки и обнаружить заросшую пылью до самого потолка комнату.

Эллиот Фишер

В сарай, где нужно убираться, плюнув на все свои "Мне лень", "Общество - это не я" и "Сами делайте, а я не наотдыхался", Эллиот совсем не спешит, чтобы побыстрее разделаться с пыльным помещением, кучей грязи и пойти обратно. Наоборот - идёт к нему нарочито медленно, постоянно отвлекаясь на шнурки кроссовок, перевязывая их просто так, но самому себе зачем-то оправдываясь мыслями: *Просто они слишком неаккуратно завязаны - налечу же со своей походкой.* Со своей походкой, в которой парень толком и стопу полностью не поднимает, чтобы короткие шнурки коварно заползли под подошву, налететь даже с огромной неуклюжестью сложно, а Фишеру, который эту походку сделал максимально безопасной для себя, тем более. Даже пару раз успевает присесть, отогревая окоченевшие пальцы тёплым дыханием.

И, в итоге продрогнув от уже не особо тёплой температуры даже ушами, которые вроде нормально скрывали наушники, бежит к месту назначения с неожиданной скоростью. В сарае хотя бы, наверное, потеплее будет, и это понимание было единственным, что подстегнуло вопреки своей нелюбви к лишним телодвижениям, а особенно бегу, взять и пробежать оставшийся путь так, будто сзади гонится леопард, у которого диета три месяца была.

В однако довольно неплохом сарае обнаруживается девушка, малость к нему одеждой неподходящая. Одежда даже старше, чем всё вокруг, кажется - да и сам Эллиот выглядит не новее со своими изношенными, но тёплыми джинсами и свитером, рукава и воротник которого полностью скрывают пальцы и подбородок. Вот и стоят, два идиота, будто из другой эры пришедшие, и ничего страшного, что преувеличено донельзя.

- Да, я таки пришёл, - зачем-то оповещает парень, ещё и важно кивнув, убирая громкость в наушниках до еле слышимых звуков и сбрасывая их на плечи. И вновь начинает отогревать пальцы, разочаровавшись в том, что сарай не особо теплом отличается.

Аделина Рутцен

Рутцен в порядке исследования новой подотчётной территории медленно обходит сарай по кругу, прикасаясь ладонями к окружающим её вещам. К деревянным полкам, к мешкам и к небрежно расставленному по помещению инвентарю, пытаюсь оценить, в какой степени в сарае господствуют пыль и хаос. И к моменту, когда в поле зрения появляется сегодняшний напарник по дежурству, Аделина успевает оценить для себя степень тяжести предстоящих работ — как очень и очень низкую, практически несущественную. И самый сложный на повестке дня вопрос — как растянуть уборку так надолго, чтобы мастера не сочли её манкированной и невыполненной и не навесили ещё дополнительного задания сверх нормы.

— *Привет,* — коротко кивает Рутцен, поворачиваясь к парню. То ли в тоне, которым была произнесена фраза, то ли в самих словах девушке что-то упорно не нравится, поэтому немка едва заметно поджимает губы: — *Рада-что-ты-снизошёл. Я-Аделина. А-тебя-как-зовут,* — заключительный вопросительный знак Рутцен небрежно сжимает и низводит до квёлой точки. Ещё не закончив толком задавать вопрос, Аделина отворачивается и окидывает взглядом полки, размышляя, а не стоит ли, к примеру, временно передислоцировать часть садового инвентаря. Вынести на улицу для проветривания, а самой тем временем спокойно провести первую пристрелочную уборку, не спотыкаясь при этом о различные лопаты и тяпки.

Эллиот Фишер

Девушку, как оказывается, фраза такая оповестительная не особо устраивает и радует - ну, впрочем, Эллиот и сам понимает, что прозвучало не особо красиво. А что поделать, парень вообще в этих делах разговорных не особо разбирается, он бы и помолчал, да только язык сам извернулся. Фишер бы даже расстроился, что его не так поняли, наверное, и вообще разобиделся бы на весь свет, да только может ли, когда такие выкрутасы проворачивать просто некогда, лень и вообще не получается из-за отсутствия эмоциональности в крайностях и пиках чувств?

Эллиот решает, что не может, да и не виноватая тут Аделина, сам напоролся, нечего так подавать фразу было и вообще рот раскрывать, тепло, которого было на удивление мало, тратить.

- Ты не представляешь, как я-то рад. В кои-то веки от работы не отлыниваю совсем по-халтурному, даже героем себя чувствую, - уже более дружелюбно, насколько

парень понимает это слово, отвечает Фишер, параллельно думая, что надо бы треснуть себе по голове или губам, чтобы ерунда такая не вылетала. - А я Эллиот. Рад знакомству.

На то, как Аделине удалось повернуть со своим вопросом такую интонацию, что там вопросительный знак в конце убежал, объяснение Фишер не находит, благополучно на это дело забывая, пока мозг не взялся за это дело всерьёз - а он может, коварный, потом и не уйти от мысли, пока ответ не обнаружится. Парень спрашивает, осматриваясь в сарае: - Как думаешь, тут много работы будет? Я пока ничего примечательного не вижу.

Расхаживая по маленькому сарайчику, оценивая, насколько уныла и трудна будет работа, и даже тыкая всё такими же окоченевшими пальцами в совсем не пыльные вещи, Эллиот мысленно взывает к справедливости температуры - вон Аделина, белая почти, вообще внимания не обращает на холод, а он, хоть и не закалённый, но что-то налаживающий с теплом-холодом, всё пытается согреться. Уравновесить бы их восприятие, желательно Эллиоту тепла больше дав - зачем им двоим-то мёрзнуть, толка же нет совсем.

Аделина Рутцен

Рутцен уже вовсю примеривается к садовым инструментам, прикидывая, как бы ловчее сгрести их в одну большую охапку и вынести на улицу, всё-таки решив их проветрить, дабы не путались под ногами (а может, даже и выносить их в один приём смысла нет, времени-то навалом), когда её ушей вдруг достигает не по делу геройская и пафосная фраза Эллиота. Видите ли, на славный бой он вышел с хищной уборкой. И уже небось решает, вешать голову убитого зверя у входа или над камином. Аделина оборачивается к Фишеру, смеривает паренька удивленным взглядом и насмешливо комментирует: - *О. Эдмунд-Хиллари-младший.*

Добро пожаловать на наш местный Эверест, как говорится. И смотрите не сверните себе шею при спуске. Прилепив к Фишеру временное прозвище, Рутцен с чувством выполненного долга ухватила в каждую руку по лопате и двинулась мимо Эллиота на выход, дробным телеграфом объясняя по дороге: - *Нет-работы-немного. На-час-максимум. Но-ты-подумай-как-растянуть. Примерно-до-обеда. А-то-обвинят-в-халтуре. Нам-же-этого-не-надо,* - и, как обычно, утратив очередной вопросительный знак в конце фразы, Аделина проскальзывает мимо Эллиота на улицу. Там осторожно припарковывает лопаты возле стенки сарая и бойко ныряет обратно внутрь - за следующей порцией проветриваемого инвентаря. Да, пожалуй, носить их по частям правильнее. И, ещё раз протискиваясь мимо Фишера, теперь уже в обратную сторону, Рутцен призывает: - *Не-стой. Помоги-расчистить.*

Эллиот Фишер

Понять, в поощрение или в обиду ему дали такое прозвище, как "Эдмунд Хиллари младший", Эллиот не может точно так же, как разгадать, каким образом девушка выбрасывает из своих вопросов вопросительные знаки. Даже чувствует ущемление своего понимания, или как это вообще можно назвать, перед тем, как выбросить и этот сложный вопрос из головы.

- Так может, ничего не делать, а просто тихо-мирно сидеть тут и болтать, когда закончим? Вот или музыку послушаем, наушники у меня не для красоты, - предлагает Фишер, наблюдая за таскающей из сарайчика лопаты Рутцен и даже не думая предлагать свою помощь. Он, на самом деле, и внимание бы на эти лопаты не обратил, пока не споткнулся бы. Но можно же аккуратно так обходить, не трогать.

А занять себя чем-то надо всё равно, хоть какая-то работа должна быть, а то и он, Эллиот, заскучает. Вряд ли девушку очень обрадует то, что её плохой собеседник наденет наушники. А по музыке он уже успел соскучиться.

Да и пока хотелка работы исправна - надо действовать.

Только Фишер собирается начинать собираться - и никак иначе - помогать, как его уже об этом просят сами, освобождая от таких потуг. Парень даже не комментирует эту недоделанную просьбу, - что толку тепло тратить, если и без его плоского юмора всё замечательно? - а плетётся к оставшимся частям, сгребая в охапку всё. Предусматривать, как удобнее, он не собирается, а поэтому, ухватив свою ношу покрепче, разворачивается и обращается к Аделине: - Выйди, чтоб не зацепило. - И, не дожидаясь ответа и реакции, начинает медленно, как танк, надвигаться тараном к выходу.

Аделина Рутцен

— *Вариант*, — одобрительно улыбается Аделина, которая до предложения Эллиота как-то совершенно не рассматривала возможность просто по окончании уборки тихо-мирно посидеть на пороге и поболтать ногами, имея одни наушники на двоих и слушая что-то такое бодрое и пульсирующее. Или наоборот — текучее и плавное. Рутцен удивительным образом совершенно не приходило в голову, что можно не растягивать действия до бесконечности, а просто поставить их на паузу. А теперь — чем дольше немка о такой возможности думает, тем больше она девушке, пожалуй, нравится.

Осталась так, совсем ерунда. Не замечаться чрезмерно и не быть глупо задавленной у порога коллегой по дежурству.

— *Дурень*, — обиженным писком сообщает Аделина, едва успевая увернуться от нацеленного ей в голову черенка лопаты. И торопливо прыскает наружу, не дожидаясь, когда Эллиот её задавит ненароком. — *Необязательно-же-сразу-всё. Куда-гонишь?*

Опаздывает, что ли куда? Вечно все куда-то опаздывают, одна Аделина — на словах торопится, а сама на деле медленная, вязкая, неторопливая. И неловкая ужасно. Выскакивая из сарая, Рутцен цепляется носком кроссовка за порог — и ласточкой клюёт носом в землю. Неловко, глупо и позорно. Единственный плюс — пострадавшую одежду не слишком-то жалко. Она и так была не новая, не свежевыглаженная и уж тем более не дизайнерская. Приводить сарай в божеский вид в "Миу-Миу" не ходят.

Эллиот Фишер

- На самом деле, я не гоню, - спокойно поправляет Эллиот, аккуратно обходя чудом намернувшуюся на порог Аделину и отпуская весь груз, что находился в руках за незнанием, как от него по-другому избавиться. Вещи все громко падают вниз,

больно ударяя по барабанным перепонкам. И ногам, около которых упали. Даже джинсы норовят порваться, когда грабля за них чуть не цепляется. И носки сквозь кроссовки болеть будут долго.

Это, наверное, чтобы Аделина не чувствовала себя ущемлённой, а то вон одна такая якобы неуклюжая. Ан нет, Эллиот ещё глупый, урон ему больше достался вообще.

Бросив все вещи, как есть, то бишь кучкой на полу, разбросанной по земле в хаосе, Эллиот аккуратно вытаскивает ноги из этого завала и бредёт обратно к Аделине. Ему, на самом деле, может, надо было и сразу подойти, остановиться, спросить, мол, как ты, ничего не загажено и не убито? Но с таким большим грузом в руках, так и норовящим как-то сдвинуться и что-то задеть, он бы просто и себя, и девушку в этом завале похоронил. И если боль в ногах ещё была терпима, и её можно было даже игнорировать, то вариант погребения был бы намного хуже. И жертв больше.

Присев рядом и чуть не потыкав пальцем вполне здоровую Аделину на проверку этого её самого здоровья, Эллиот спрашивает: - Как предпочтёшь, не очень нужную помощь от меня, или сама встанешь, отряхнёшься, успокоишься, что всё в порядке, может, раздосадуешься от того, что одежда пострадала, ещё чего сделаешь? С моей помощью пунктов станет на один меньше, заметь. А ещё - нам надо собирать вон ту кучу, которую я, молодец какой, рассыпал так неаккуратно. Заняться чем будет. Всяко лучше, чем таскаться туда-сюда, правда? - Эллиот, кажется, наговорил все свои прошлые безмолвные деньки, проведённые исключительно в наушниках.

Как бы от нечего делать, он отряхивает локоть свитера девушки, весь перепачканный в следствии торможения. Вот что у людей за привычка такая - тормозить или ладонями, или локтями, при этом обычно тормозя и тем и тем?

Аделина Рутцен

Естественно, для экстренного торможения Аделина использует локти, как наиболее пригодную для этого часть тела. Когда клюёшь носом в землю, колени в качестве спасительных косточек сразу как-то не рассматриваются. А у ладоней длинноват рычаг, можно банально не успеть их перевести в требующую немедленного участия область. Особенно если перед падением ты трагически взмахнула руками, как простреленный навывлет, умирающий лебедь — крыльями, и ладони теперь по этой немудрящей причине парят чёрт знает где. Так что — да, локти. И задействует их Рутцен усердно, без какой-либо жалости к самой себе, щедро собирая землю на рукава свитера.

А звучащий рядом глухой перестук садового инвентаря обнадёживает: напарник решил продемонстрировать, что не одна немка такая нелепая и неуклюжая, а и он тоже не лыком шит.

— *Нормально-я*, — виновато бормочет Аделина, наблюдая за тем, как Эллиот зачем-то деловито отряхивает рукав её свитера. Болевой шок от приземлившихся прямиком на мизинец граблей? Бессознательная тяга к чистоте? Или просто бездумные движения рук? Рутцен предпочитает думать, что имеет место третий, безобидный и по-своему милый вариант. — *Истерики-не-дождешься*, — дополняет свой "отчёт" девушка. И, чтобы подняться на ноги, в качестве точки опоры выбирает так удачно подвернувшееся под руку тёплое колено Эллиота, кладёт на него ладонь

и твёрдо пожимает, выталкивая саму себя вверх и сообщая по ходу действия: — *Ой-да-пёс-с-ними. С-граблями. Потом-в-порядок-приведём. Когда-заносить-будем.*

Эллиот Фишер

Эллиот от такой неожиданной работы опорой, на которую, впрочем, сам напросился, чуть не сваливается с корточек на такую не очень тёплую и, как уже было показано, очень любящую пачкать одежду землю. И даже не потому, что вот он такой слабак или Аделина ох какая тяжёлая оказалась, - тут-то всё в норме, что с Аделиной, что, слава Богу, с Фишером, - а просто неожиданно это было, хоть и не особо быстро, чтоб взглядом не уловить. Предупреждать надо, думает Фишер, чтоб подготовился, а то ишь ты какие выкрутасы делают, а он ещё приспособливаться должен. Парень ещё, может, от упавших на мизинец, да и вообще на все пальцы почти, граблей не отошёл, голова замедлилась, не ловит связи из внешнего мира вовремя.

Впрочем, жаловаться Эллиоту не хочется - он вообще собой гордится, что так хорошо помог, даже ничего не делая.

Ещё б подняться с корточек, а то на уровне глаз находятся только коленки, спрятанные под потёртой тканью джинс. Голову же задирать - сложняк сложняком, ибо очень близко девушка стоит, да и просто не любит Эллиот это дело, голову задирать. Наклонить - да, а вот задрать вверх и долго так голову держать - увольте. Увольте и идите подальше, пожалуйста, Фишеру таких прелестей жизни не надо.

Поэтому он таки встаёт обратно в полный рост, отряхивая якобы успевшие наполниться всеразличной пылью и грязью джинсы, и запоздало отвечает на все реплики девушки: - Ну, во-первых, то, что ты нормально, меня радует. - И, чуть погодя, дополняет свою фразу, намереваясь разрушить и так трещащую по швам возвышенную чем-то непонятным - то ли романтикой неуловимой, то ли несвойственным теплом в холод - атмосферу: - Заботой меньше, что, впрочем, не помешало бы, а даже скрасило нашу затянутую уборку. Но лучше живая и здоровая, вот так. Во-вторых: прекрасно, что истерики не будет. А в-третьих: а что ж нам тогда, милая моя, делать-то? Вон сразу к музыке переходить? Я только "за", сама выбирай песни, доверяю свой плеер тебе, у тебя ж сегодня лимит неуклюжести закончился? Сразу говорю, за плеер обижусь так, что мама не горюй. И вообще - мне уже надоело ворочать языком, что-то я разболтался, поэтому давай там, смотри, что хочешь послушать. Песен море, океан даже, хоть я и пытался что-то из них удалить, только не смог.

И, пообещав себе больше столько не ворочать языком, который от непривычки определённо пытается сохнуть и исчезнуть, Эллиот нашаривает в кармане джинс плеер, отделяет от него наушники и передаёт эту маленькую вещь Аделине, надеясь, что всё и правда с ценнейшим сокровищем будет хорошо.

Аделина Рутцен

Пока Аделина поднимается, ей в какой-то момент мерещится, что Эллиота она сейчас опрокинет — то ли девушка так старательно цепляется за коленку парня и сжимает сильнее, чем требуется и чем позволяют правила приличия, то ли просто Фишер не привык, что какие-то, по сути, посторонние, три минуты всего как знакомые девушки будут так бесцеремонно хватать его за ноги. Причём второй вариант похож на правду куда больше первого.

— *Не-упади-чудо*, — улыбается Рутцен. И разводит руки, как будто собирается в случае необходимости ловить Эллиота в свои широко распахнутые объятия. Впрочем, надобности в таких мерах нет, Фишер на своих ногах стоит более-менее твёрдо. И вроде как повторять подвиг Аделины и целовать носом землю не планирует.

— *Это-круто. Что-ты-так-рвёшься-к-музыке*, — хихикает немка, целомудренно прикрывая рот ладошкой. И серьёзно объясняет: — *Но-переносом-инвентаря-не-отделаемся. Подметать-внутри-надо. Будешь-брат-веник? Или-тебя-избавить?*

Последние два вопроса Рутцен задаёт совершенно искренне, без каких-либо задних мыслей, сложных подтекстов и так далее. Немке кажется, что вымести из сарая пыль — задача не такая уж сложная и неподъёмная. Вполне можно с этой задачей, особенно не напрягаясь и не привлекая дополнительных рук, справиться в одиночку. Чего уж тут предстоящие подвиги-то преувеличивать.

Эллиот Фишер

На хихиканье девушки давший себе обещание сегодня больше не привышать норму слов в минуту Фишер только важно кивает, мол, да, рвусь к музыке я всегда и постоянно, вообще крутой чувак, любите меня и уважайте, разрешаю не восхищаться. И то, что Эллиот решает не комментировать не особо жаждущие этих самых комментариев фразы, его очень даже спасает от ещё одной порции неприятия Аделины, с которой в кои-то веки всё в отношениях начало уходить с холодного минуса и становиться даже выше нуля. Молчать, на самом-то деле, очень удобно, когда это ещё можно делать. Лишнего ничего не сболтнёшь, не обидишь, не рассердишь. Красота. И Эллиот сейчас ею пользуется.

Поняв, что плеер в ближайшие минуточек десять брать у него из рук не будут, парень возвращает маленький, но любимый плеер на место, то бишь в карман тёплых джинс, и начинает раздумывать над вопросом избавления его от метлы, насколько он правильно понял, смысл которого его не сказать, чтобы озадачил. Совсем не озадачил, на самом деле. Тут и так всё ясно.

Если брать всем так полюбившиеся для примера выбора весы, - да-да, те самые, у которых чаши по сторонам на ниточках висят, а посередине ножка, часто тонкая и красивая, - то на одной чаше будет лежать Хорошее отношение к Аделине, к которой теперь надо и присоединиться, чтобы уберечь от ещё какой глупости, которые больше любит совершать Эллиот, чем девушка, а на другой чаше такая же Лень, которая ходит хвостиком везде и всюду, отгоняя от важных дел.

Мизинец левой ноги и большой палец правой снова ноют от воспоминаний о не очень милосердных граблях, причисляясь к чаше с ленью, и - она перевешивает.

- Избавить. Всё-таки избавить, - говорит Фишер, игнорируя надуманных и разочарованных Совесть и Хорошее отношение к Аделине, которые упорно твердят, что надо соглашаться дурню эдакому. Совесть, напоследок пнув парня со всей силы по затылку, уходит восвояси, разочаровываться дальше.

Аделина Рутцен

Каких-то неожиданностей в том, что парень решает с ндравными мётлами и

вениками лишний раз не связываться, а пересидеть себе катаклизм спокойно в сторонке, Рутцен не усматривает. Всё нормально. Веники, они такие, непослушные и коварные. Аделина спокойно кивает — мол, да, пожалуйста, сиди не волнуйся, я сама всё сделаю, — и ныряет внутрь сарая, воевать там с затаившимися на полках армадами пыли.

С веником немка обращается достаточно невежливо и бесцеремонно. Без тени сомнения колотит прутьями по деревянным полкам, используя веник вместо тряпки. Пыли внутри сарая не так уж и много, но разрушительными стараниями Рутцен она начинает клубиться в воздухе, словно девушка вместо безобидной постройкой для хранения инвентаря по ошибке забрела в жерло вулкана. То и дело Аделина вылетает наружу, чихая, отчаянно встряхивая головой и распространяя за собой тонкий светлый шлейф из пыли. И почему-то, по какой-то неуловимой логике кажется самой себе похожей на моль. Осталось только, как в анекдоте, шубу утащить, чтобы дома съесть.

— *Может-ты-магией-владеешь?*— запоздало вопрошает Рутцен, выскакивая из сарайчика в очередной раз и описывая веником в воздухе отчаянные завитки в попытке стряхнуть с прутьев цепкую пыль. — *С-воздухом-дружишь-например?* — вот сама Рутцен - не дружит. Ни с какого боку. Но такой магической поддержке будет крайне рада. Жаль только, что не догадалась раньше спросить, все тогда стало бы еще легче.

Хотя — тпррру, стоп, отбой, преждевременной радости! Вполне возможно, здесь никто ничем не владеет. А Аделина уже разошлась вовсю, начала строить глобальные планы на розовые мечты.

Эллиот Фишер

Эллиот за стараниями Аделины следит внимательно, поворачивая голову так, чтобы девушка была в центре обзора, и кое-что для себя понимает. Понимает, что даже он не осмелился бы так нахально относиться к венику и поднимать всю якобы не такую уж и многочисленную пыль в воздух. И провозглашает Аделину про себя самым смелым и смекалистым не в ту сторону человеком, с которым он вообще когда-то был знаком.

Очередные чихи с переносом пыли на свежий воздух он то и дело комментирует каким-нибудь "Вот растяпа", "Истинная недотёпа" и "Ну кто же так делает?", в полголоса разве. Даже начинает всерьёз подумывать о том, чтобы как-то отговорить от такой смутной затеи уборки девушку и, может быть, даже помочь.

Но, скорее к облегчению, чем к сожалению, лимит раздумия заканчивается, и варианты помочь и вообще как-то содействовать по собственной воле улетучиваются, забыв даже ручкой помахать. Ответ на вопрос Эллиот готовит длинный, наполненный самобичевания и заниженной самооценки и совершенно протеворечащий недавнему обещанию себе больше много не разговаривать, чтоб ничего не устало.

- Я, знаешь ли, существо социофобное и магиофобное в одном лице, я лучше никого не буду трогать или повражду, чем сдружиться попытаюсь. Я даже со своей магией родной не дружу совершенно, какие там Воздухи. Я вообще в плане магии человек ненадёжный. Да и не в её плане тоже.

Ответ планировался более масштабным, самобичевание более глубоким, а приbedняться хотелось посильнее, но язык был против. Язык не повернулся,

заплёлся и ушёл в забастовку хотя бы на секунд десять, отдохнуть.

- Ты ведь не будешь дальше сотрясать пыль бедным настрадавшимся веником? - напоследок спрашивает Фишер, прежде чем объявить себе отдых от болтовни.

Аделина Рутцен

К замечаниям, которые Эллиот то и дело отпускает в ее сторону, Рутцен относится, в целом, спокойно и дружелюбно. Интуитивно чувствует, что парень это не со злости и не из желания обидеть. Поэтому и необходимости не только дуться, а и хоть как-то такие выпады парировать не ощущает. Аделина лишь смущенно и криво дергает углом рта, что у немки призвано обозначать неловкую улыбку.

- *А-какая-родная?* - бодро интересуется Рутцен, пулей вылетая из сарая в очередной раз и с восторгом почти отмечая, что плотность пылевого облака, которое немка, видимо, по причине неземной криворукости, ухитрилась поднять, наконец-то начинает решительными темпами идти на спад. Еще две-три пробежки и, пожалуй, с цирком и танцами с веником можно будет покончить. На радостях Аделина разрешает самой себе маленький перекур. Усаживается прямо на пороге сарая, откладывает веник в сторону и с вежливым интересом наблюдает, как пыль неторопливо тает в воздухе. Но такое зрелище прискучивает более чем быстро, и Рутцен переводит взгляд на Эллиота.

- *Так-сострадаешь-веникам? Кого-еще-жалеешь?* - миролюбиво интересуется немка, сияясь всем своим видом изобразить, что предлагает не перестрелку остротами, а просто легкую, ни к чему не обязывающую, очень удачно вписывающуюся в трехминутный перекур беседу.

Эллиот Фишер

- Родная, или не родная, а просто достойно проявившаяся стихия, из-за чего я сюда вообще поехал, - это Земля. Не сказать бы, что я умею ей пользоваться. Вообще не умею. Поэтому Воздух тем более мне не под силу. Ну, а у тебя что-нибудь есть? - Эллиот желанием самобичеваться горит, а рассказывать - не очень. Поэтому инициативу и объём слов перекладывает на Аделину, ибо чего это он один о себе рассказывает? Вон он тоже любознательная личность, наверное, ему тоже интересно, и не наду тут сомневаться, он просто очень хорошо маскируется.

- Я веникам очень сострадаю. Особенно, когда ими экспериментируют, как кроликами подопытными. Но мне как-то интереснее что-то неживое жалеть, живым не всегда приятно, когда их жалеют, и живые вообще отпор сами могут дать, и плохо это - когда жалость вызывает кто-то. Вот. - Никогда ещё Эллиот так не философствовал, да ещё и вслух. Мозги временно превратились в кашу, даже можно определить, что это что-то сроднее овсянке, и в ответ парень снова всё переваливает на Аделину: - А у тебя есть объекты жалости и сострадания? Может, вместе посочувствуем.

То, что перекур трёхминутный и вообще является перекуром, Фишер даже не подозревает, а потому с коварным видом невесты на что совращающего совратителя протягивает Аделине... плеер, мол, давай уже чё-нибудь послушаем, я устал и жажду музыки, в студию мне её, а можно и в сарай.

Аделина Рутцен

Попыткам Эллиота перевалить на неё партию первой скрипки в разговоре Аделина молча сочувствует. По идее, парень по манере немки отрывисто вставлять в диалог пяток слов от силы должен был понять, что длинных монологов от девушки не дождешься. И тем не менее, Аделина предлагается блестящее соло. Жаль только, что такой мяч, брошенный ей, Рутцен способна только уронить, неловко разжав руки.

- *Нет-стихии*, - пожимает плечами девушка, не находя в этом откровении ничего постыдного. И пытается скопировать выражение лица Эллиота в тот момент, когда парень говорил о магии Земли: небрежно-расслабленное, с вызывающе вздернутой бровью, мол, ну расстреляйте меня за это, если осмелитесь. Очень удобная позиция - быть не просто бесталанным, но бесталанным подчеркнуто, напоказ. Жаль только, при мастерах Рутцен этого никогда повторить не осмелится.

- *Не-жалею-неживое. Вещи-не-жалеют-тебя*, - коротко излагает свою жизненную позицию Аделина. И едва заметно улыбается, понимая, что самой себе сейчас напоминает маленькую и рыжую, гиперактивную, почти взрывающуюся от клокочущей внутри энергии дамочку, как-то промчавшуюся мимо Рутцен с криком "если бы вы только знали, как меня раздражают вещи" и разом показавшуюся немке родственной душой. - *Я-сострадаю-людям. Тем-что-страдают-от-вещей*.

Увидев протянутый к ней плеер, немка на мгновение с сомнением оглядывается на разложенный возле сарая садовый инвентарь - мол, а работа как же? Но крохотная "музыкальная шкатулка" в ладони Фишера перевешивает. Аделина встаёт, подходит к Эллиоту, доверчиво принимает у него из рук наушники и неловко просовывает голову в полукольцо хитрого девайса. С наушниками Рутцен дружит весьма условно, длину провода не чувствует совсем, боится не вовремя дернуть шеей и что-нибудь сломать, поэтому, чуть придерживая наушники пальцами, не шевелится вообще, так и держит лицо склоненным к Эллиоту почти вплотную. Кажется, с такого расстояния можно пересчитать щедро рассыпанные по щекам парня задорные веснушки и идеально точно измерить глубину ярких голубых глаз. Жаль, Рутцен не пересчитывает и не измеряет, а просто доверчиво глазеет.

Эллиот Фишер

Ответы Аделины, которые все вместе были меньше, чем половина предложения Эллиота, парня радовали не сильно своим количеством. Даже словечек-паразитов не использует. А вдруг ему послушать дольше Рутцен хочется - не хочется, конечно, но вдруг.

- Не, ну смотри, а если кого-то часто будут жалеть, разве он не будет ощущать себя какой-то тряпочкой, которую даже для уборки не берут, предпочитая убивать веник такой работой? - В объяснениях-размышлениях Фишер скатывается обратно к злосчастному венику, который, вполне может быть, ещё не раз вспомнит при удобном и не очень случае. - И вообще - а как же люди, страдающие от людей? А им сострадать?

На то, что Аделина отстраняться с наушниками не собирается, может быть, неправильно предчувствуя, будто сможет их как-то поломать или ещё что-то сделать, - кто их, девушек, поймёт? - Эллиот реагирует относительно спокойно, мол, с кем не бывает.

Объяснять девушке, что наушники ко всяким неуклюжим и нестандартным личностям имеют крепкий иммунитет, Эллиоту не хочется, хоть вроде как и надо, и мысли на это наводят. Сам отстраняться парень тоже не собирается, а только включает в плеере нежную песню, делая потише, чтобы Аделине по ушам не ударило, но и чтобы ему ещё слышно было.

Вот такой парень весь из себя коварный и хитрый.

Аделина Рутцен

Многословностью Рутцен и впрямь не блещет. И долгих монологов выдавать не готова по жизни, уместаясь во всеми своими взглядами и убеждениями в сухие, хрустящие упаковки по пять слов в пачке. А потом вечно слушает, как собеседник истолковал ее слова и мучается, что, мол, вот, надо было дольше и подробнее объяснять, а то теперь такое невзаимопонимание лезет в полный рост. И нынешняя ситуация не исключение - из слов Аделины Эллиот делает совершенно самостоятельные и самобытные выводы, с внутренним миром немки не очень-то стыкующиеся.

- *Жалость-и-сострадание-разные-вещи*, - успевает пояснить Рутцен перед тем, как плотно прижать наушники к голове, отсекая саму себя от внешнего мира. - *Сострадание-поддерживает. А-жалость-ломает-волю. Особенно-жалость-к-самому-себе.*

В музыке Аделина особенно не разбирается, относясь ко всем музыкальным коллективам примерно с одинаковым легким восхищением: мол, вон что ребята отламывают, я так и близко никогда не смогу. И все-таки определенные музыкальные вехи немка знает и уважает сильнее прочих. Выбранная Эллиотом песня как раз к таким и относится - к узнаваемым и запоминающимся. Девушка улыбается, легонько покачивает головой в такт медленной, плавной мелодии, а потом решительно произносит: - *Под-нее-танцевать-хорошо.*

Замечательная все же вещь: наушники, за омывающей сознание музыкой совершенно не расслышать отказа. По этой причине Аделина отказов и не приемлет - и под завораживающий, плачущий голос Брайана Молко, рассказывающий о том, как он рвется из-под воды за глотком воздуха, девушка кладет руку на плечо Эллиота и подходит совсем уж вплотную, вполне себе неоднозначным способом безмолвно приглашая парня на медленный танец.

Эллиот Фишер

Когда Аделина всё разговывает Эллиоту, ему приходится позорно принять поражение, которое и не такое уж позорное, кстати. Ну, с кем не бывает, вот ступил маленько, надо же изредка оправдывать всё, что он про себя говорит нехорошее. Вот и оправдал немножко. Капельку совсем.

На решительное утверждение Аделины, мол, музыка для танцулек предназначена может быть, Эллиот никак не реагирует - предположим, это она факт констатирует, в кои-то веки просто так что-то сказала, аплодируем стоя и восхищённо улыбаемся. Вон Эллиот постоянно комментирует всё, и ничего, никто никак не растолковывает - некому растолковывать просто, только не в этом суть.

Но когда его самым бесцеремонным образом приглашают на медленный танец, давая понять, что брошенная без особой цели фраза, которой все уже мысленно поаплодировали и повосхищались, брошена не просто так вовсе, уже поздно вертеться и отговариваться, да и вряд ли это было бы услышано сквозь музыку, по ту сторону наушников. А стоять деревом, когда рядом почти танцует Аделина, ожидая его ответа, как-то неловко, неудобно, неправильно... ну, стрёмно. Вот прям совсем-совсем - кто он, не мужик, что ли? Правильно, не мужик, а любящий прибедняться парень.

Вызов, а точнее, приглашение, Эллиот принимает с улыбкой и кивком, кладя ладонь на талию девушки, чтоб было куда деть и удобнее двигаться. И, пытаюсь следовать ритму музыки, увлекает девушку в танец - ну, скорее, надеется, что не будет тащить за собой, сам не шибко смело и уверенно двигаясь и шагая.

Аделина Рутцен

То, что слова Аделины Эллиот сперва принимает просто за констатацию факта, вполне логично - танец, в котором мелодию отчетливо слышит только один из партнеров, а второй вынужден ее угадывать, должен выглядеть странно. И тем не менее, Рутцен этот тезис задвигает отнюдь не ради красного словца, а намеревается доказать его на практике. Девушка не успевает даже представить себе, как глупо она будет выглядеть, если Фишер с ней танцевать откажется - Эллиот, по счастью, не упирается и не протестует.

Аделина тут же охотно придвигается еще ближе, ничуть не стесняясь чужого тела - бедра к бедрам, а щека касается щеки Эллиота, словно под "медленным танцем" немка на самом деле имела в виду нечто темпераментное и латиноамериканское. И легко скользит рядом с парнем, позволяя ему вести - танцами Рутцен никогда серьезно не занималась, но врожденной грации все же хватает, чтобы не смотреться неуклюжим медвежонком.

- *Ты-здорово-танцуешь*, - чуть удивленно отмечает Аделина, привыкшая, что в ее классе парней надо было на дискотеках отлеплять от стен невероятной силы пинками и потом на танцполе преимущественно самой выплясывать вокруг них, а на партнера не слишком надеяться. Несмотря на плотно прилегающие наушники, Рутцен ухитряется не повторить ошибки всех "плеерщиков" и не повышать голос для того, чтобы сказать простую фразу. Вот где врожденная блеклость голоса неожиданно спасает.

И, несмотря на некоторую неуместность ситуации, Аделине нравится вот так неторопливо танцевать с Эллиотом. Пусть даже перед сараем, огибая разложенные по траве лопаты и имея вместо колонок только пульсирующие пронзительным голосом Брайана Молко наушники.

Эллиот Фишер

Аделина прижимается так, что парень чувствует её даже щекой, на что не реагировать и пропускать это сведение мимо себя не получается - только сквозь теперь. Поэтому Эллиот улыбается, - совсем не специально, к сведению, - уверенный, что из-за такой близости Аделина эту улыбку не увидит даже, а почувствует, и эта уверенность говорит, что надо бы как-то обратно вернуть уголки губ, - они же тут серьёзны как никогда, танцевать сейчас будут, а он лыбится, как Джокер без гримма, - что сделать вообще не получается, а если и получается, то на очень и очень короткое время.

Танец ему позволяют вести, - хотя парень бы с удовольствием уступил Рутцен, потому что девочкам вообще уступать надо, а он и не против - и Эллиот такое позволение пытается оправдать, показывая, что он тоже что-то может, своим танцем, в общем-то, оставаясь недовольным, как и всегда во всём, связанным с собой, в общем - ну, может, наушники с плеером в исключения полезут, и всё. Поэтому верить в слова девушки отказывается и, можно сказать, парирует: - Это ты здорово танцуешь. Не надо тут свои качества на других людей переваливать - они, может быть, уже по глупости понабрали на себя всякого, и тяжело им. - Чтобы такое парирование не казалось наездом и чем-то обидным, Эллиот говорит это обычным лёгким и непринуждённым тоном. Он же вообще намеренно обижать не умеет в принципе.

Когда танец под глухо выбивающуюся во внешний мир сквозь наушники музыку уже начинает казаться какой-то сказкой и очень и очень неплохим проведением уборки, всё ближе подкрадывается облом, который проявляет себя в виде лопаты, так некрасиво и неожиданно попавшей Эллиоту под ноги, заставляющей споткнуться об неё и, в лучшем случае, просто полететь на землю, а в худшем - покатиться кубарем далеко и надолго. А вот всегда они есть, обломы, рано расслабляться было!

И Аделина, вроде, глазами мерцала перед тем, как надеть наушники, что, вообще-то, инвентарь ещё как бы не там где надо. Вот и решил пораньше в безделье уйти. Пока Эллиот падает, - а падает он быстро - он успевает обозвать себя неосторожным дураком, который вообще не думает, чем дальше всё аукнуться может, несколько раз и в разных вариациях.

Аделина Рутцен

По поводу того, кто, кому и что уступать должен, Рутцен бы поспорила - Аделина является сторонницей того убеждения (или заблуждения?), что в танце вести должен кавалер. Потому что это как бы само собой подразумевается. Не на пустом же месте возникло "Дафна, вы опять ведете"? Но Эллиот, к счастью, этой темы не поднимает, и удаётся обойтись без споров.

Аделина действительно щекой чувствует улыбку юноши - и неловко тянет губы в ответной улыбке. Хотя это движение лицевых мышц у Рутцен всю сознательную жизнь получалось больше похожим на неловкий оскал или на вскрывающийся шрам. Остается только радоваться тому, что Эллиот сейчас этой неловкой гримасы не видит. Только точно так же, как и сама немка - чувствует щекой, не более того.

Про разбросанный у входа в сарай садовый инвентарь девушка успешно забывает - а тот такого небрежного к себе отношения прощать не намерен. Замысливает страшную месть и, улучив подходящий момент, коварно бросается танцующей парочке под ноги. Аделина, на момент этой диверсии повязанная с Эллиотом объятиями достаточно тесно, теряет равновесие следом за юношей и на мгновение падает сверху, кажется, забивая юноше своими растрепавшимися волосами все лицо. Права, вскакивает Рутцен, порой в критические моменты проявляющая удивительную прыть, практически сразу же.

- *Вот-черт. Прости. Я-идiotка*, - кается Аделина. Ну думала же о том, что сначала надо с уборкой покончить! Что только за такая дурная манера - от хороших мыслей отказываться? Рутцен запоздало хватается за ближайшие к ней грабли и нашаривает второй рукой еще какой-нибудь черенок, пытаясь хотя бы кипучей

деятельностью свою ошибку компенсировать.

Хотя если, не приведи Господь, выяснится, что Эллиот ребро сломал при падении или еще какую травму получил - тут уж никакой деятельностью не компенсируешь.

Эллиот Фишер

На его улыбку отвечают чем-то таким же, только более скромным и, кажется, неловким, а в связи с тем, что улыбка Эллиота уже успевает к тому времени поутихнуть и сократиться до более-менее нормальных размеров, уголки губ у него и Аделины соприкасаются, и это кажется чем-то нормальным, и факт, что они вообще познакомились недавно, когда Эллиот безуспешно пытался согреться, - сейчас, кстати, почему-то потребности такой не возникает - улетучивается куда подальше.

Когда Эллиот - а за ним и Аделина - падает по вине коварной лопаты, то он успевает вытянуть шею вперед вместе с головой, и в итоге о землю ударяется не затылком, а плечами и всем прилегающим, что уже само по себе чего-то ужасного не несёт и оказывается, наверное, самым лучшим вариантом из всех возможных. Сверху падает Аделина, - к счастью, особого удара не получившая вроде и Эллиоту удара тоже не нанёсшая - и прядь рестрепавшихся волос умело щекочет ему нос, а другая норовит в рот попасть - Эллиот за это мгновение успевает обнаружить, что волосы вообще вкуса не имеют, такая вот неожиданная и бредовая мысль в голову залетает. Впрочем, как стремительно Аделина на него налетела, так стремительно и улетела обратно.

- Да ничё, это я вообще предложил-то, отвлѣк, так что идиотом - а заодно и болваном безмозглым - скорее меня надо называть, - возражает слабо парень, и ему почему-то кажется, что они постоянно с Аделиной перетягивают канат вины, стараясь забрать его себе, а не на других спихнуть. Впрочем, они не только вину так перетягивают, а и похвалу на друг друга спихивают, и вообще всё-всё-всё - хотя, скорее, тут только Эллиот, как дурак, всё возражает и возражает, не соглашаясь с Аделиной, а ей просто спорить не хочется. Всё очень сложно, короче.

- А давай я снова всё в кучу загребу и обратно поставлю, а там уже расфасуем и распасуем всё куда надо? - предлагает Эллиот, понимая, что грабли и лопаты, которые его всё коварно прикончить хотят, то под ноги, то на ноги кидаясь, просто оставлять на попечение Аделине не намерен - вдруг и ей не посчастливится ощутить на себе их коварство.

Аделина Рутцен

- *Не-перетягивай-канат-на-себя*, - добродушно грозит пальцем Аделина, когда Эллиот пытается оспорить у нее почетное звание главного идиота дня. И даже пытается прибегнуть к всамделишным угрозам: - *А-если-отдам? Что-с-ним-делать-будешь?*

А будет - выглядеть глупо. Потому как оторванный от прочих аксессуаров канат, на взгляд немки, вещь не шибко многофункциональная. По нему, конечно, можно лихо разгуливать на высоте если не небоскребов, то хотя бы метров трех-четырех - но на канатоходца Фишер внешне как-то не тянет. А в таких условиях на канате, уж простите, только вешаться хорошо.

- *В-кучу? А-там-расфасуем?* - неуверенно повторяет следом за Эллиотом Аделина,

которой идея поворачиваться в не самом просторном помещении, пытаясь отличить вилы от граблей, кажется не самой удачной. Немке куда удобнее сделать несколько рейдов туда-обратно, каждый раз захватив с собой одну-две вещи, не больше. Но желание отстаивать собственное мнение, если понадобится, то и с пеной у рта, как обычно, глухо и беспробудно где-то дрыхнет, даже не пытаясь поднять головы. Поэтому Рутцен осторожно соглашается: - *Ну-давай-попробуем.*

И пятится от двери сарая, освобождая проход - подвернуться Эллиоту под ноги в самом узком месте и в самый неподходящий момент будет автоматом означать получение звания "идiotка года", уже без каких-либо вариантов и без наличия в обозримом пространстве конкурентов.

Эллиот Фишер

- А если отдашь - буду бережно хранить и не давать тебе его трогать даже, - ловко выкручивается Эллиот, ничуть не подумав даже над ответом, потому что, по сути, так оно и есть - если он с канатом один-одинёшенек смотрится, скажем, не то чтобы прилично, но приемлемо так, хоть и глупо, впрочем, тоже, то Аделине вот отдавать эту длинную толстую верёвку не хочется совсем - уронит же, отпустит по случайности, и к глупости нелепость прибавится.

Фишер, конечно, по этому канату ни ходить, ни вешаться на нём не собирается, но как трофеем забрать вполне может, потому что, по мнению Эллиота, отвоёванные вещи лишними не бывают, и даже пусть они забраны лишь из вредности и не вернувшиеся обратно только из-за отсутствия сопротивления - не выкидывать же теперь, когда даже постарался почти ради этого. Определённо нет.

- А я уже собирался оправдывать своё звание идиота дня и не слушать твои советы, - честно сознаётся Фишер, сначала расценивший неуверенность Рутцен как желание отказать, объяснив, может быть, что сомнительно это - расфасовывать всё там, в маленьком сарайчике. Эллиоту, честно, и самому эта идея кажется не столь хорошей и мудрой, но нежелание таскаться туда-сюда - оно, знаете ли, не ждёт и нервно притоптывает ножкой, скрестив руки на груди. Это Аделине удобно всё понемногу таскать, а парень по другой части совершенно, и разворачиваться, если чего-то не хочет, может не хуже черепахи, так же медленно и лениво.

Поставив все швабры-веники-палки-какие-то в вертикальное положение и охватив их все не сказать чтобы мощными и ручищами, Эллиот несёт весь инвентарь обратно в сарай, кое-как протиснувшись в проход, и останавливается у места назначения или возвращения, где, насколько память кричала, лежали раньше все эти лопаты-вилы-грабли. И, не желая снова испытывать свою несуществующую удачу киданием всего этого инвентаря на пол и ноги, призывает Аделину в этом расфасовывании помочь.

Аделина Рутцен

- *Любопытная-тракторка,* - тихонечко фыркает Рутцен. Немке раньше и в голову не приходило, что канат можно заграбастать исключительно для того, чтобы он никому больше не достался, и никаких иных целей не имея в виду. Так что для Аделины такой подход является своеобразным открытием. И Фишер в глазах девушки сразу зарабатывает несколько бонусных очков интереса.

- *И-не-говори. Советы-как-сифилис. Лучше-давать-чем-получать,* - дробной скороговоркой роняет Рутцен раньше, чем успевает сообразить: для первого свидания разговоры о венерологических заболеваниях - далеко не самая подходящая тема. Можно даже сказать: тема такая, что лучше добровольно откусить самой себе язык, как пленный японский лётчик, чем на подобные беседы соскакивать.

А свиданием после тех полуинтимных танцев эту попытку убраться в сарае, пожалуй, считать всё же можно.

На помощь Аделина спешит крайне ответственно, едва услышав призыв из глубины сарая. Подбегает к Эллиоту и на мгновение задумывается, как бы так теперь со всем этим инвентарем разобраться так, чтобы никого не убить ненароком. Вот кто бы раньше предупреждал, что дежурство может быть столь травмоопасным мероприятием - Рутцен бы заранее заморочилась и обежала бы все жилые корпуса, но раздобыла бы у кого-нибудь как минимум плотные и тяжёлые десантные ботинки, чтобы хотя бы пальцы ног от бытовых травм обезопасить. Но чего нет, того нет, приходится теперь как-нибудь своими силами выкручиваться.

- *Отпускай. Держу,* - решает наконец Аделина. И, внешне всячески демонстрируя бойкость и ответственность, подхватывает охапку инвентаря, которую удерживает на весу Эллиот, с противоположной стороны. При этом о том, что инструменты у неё из рук катапультируются крайне быстро, Рутцен предпочитает не распространяться. Зато немка на все сто двадцать процентов уверена, что сумеет полет инструментов перенаправить должным образом. Ну, чтоб не прибило никого.

Эллиот Фишер

Тому, что весь инвентарь, который у них на руках лежит, Аделина удержать сможет и при этом никакого вреда ничему и никому не принесёт хотя бы самого малейшего, Эллиот не верит. Одно дело, когда ты просто держишь что-то, обхватив его руками и не чувствуя веса за имением ещё одного держащего, а другое - когда вес этот самый на руки не ложится, а прыгает даже, со всего разбега. И тут, конечно, катапультируют инструменты в любом случае, придавай ты это огласке или нет, и заметно это очень хорошо. Сверху только вопрос назревает и пританцовывает: а велики ли шансы следом за ними полететь? Желание кому-то что-то отдавать, даже не прийдя, улетучивается просто мгновенно, и Фишер только крепче хватается за инструменты.

- Не, ты всё-таки давай как-нибудь повыуживай их по одной из охапки, и тогда дело поедет точно, даже в нужную сторону, - предлагает парень, с сомнением хмуря брови. И, чтобы выуживать инвентарь было проще, прижимает инструменты к себе, надеясь, что так они более-менее выравниваются и не будут хотя бы во все стороны торчать.

Почти все инструменты послушно выравниваются - только грабля одиноко выбивается по другому направлению, но это уже можно как-нибудь и не принимать за неудобство.

Аделина Рутцен

Получив отказ, Аделина смущённо отводит взгляд, понимая, что в её стальные мускулы и способность удержать весь садовый инвентарь на весу Эллиот не верит совершенно. И поспешно разжимает руки, едва ли не за спину их заводит. Словно

демонстрируя широко и напоказ: хорошо, уже не держу! Желание спорить и доказывать свою правоту, как обычно, зимует в своей берлоге так глухо, что и к лету не покажется. Рутцен безропотно соглашается: - *Хорошо. По-одной. Как-скажешь*, - и начинает осторожно обходить юношу против часовой стрелки, прикидывая, откуда и как будет лучше эту охапку расформировывать.

Достаточно быстро Аделина решает, что орудовать граблями лучше всего, вытягивая их вверх. Но сразу хвататься за гладкие черенки мешает опасение, что немка с её талантами может запросто и бесстыдно заехать напарнику деревяшкой в челюсть. Способ такую катастрофу предотвратить наверняка Рутцен придумывает всего один. Девушка забегает Эллиоту за плечо и уже оттуда, вцепившись в грабли, неторопливо и осторожно тянет их вверх, слегка наклоняясь вперёд и припадая грудью к спине Эллиота. Аделина вполне здраво рассуждает, что саму себя она в лицо бить не будет - а стало быть, пока их с Фишером челюсти тесно соседствуют, юноше тоже ничего особенно не грозит.

Строптивый садовый инвентарь в руках Аделины угрожающе вибрирует, раз или два размашисто шаркает по потолку, но наконец отделяется от остальной охапки. Рутцен резвой трясогузкой отскакивает в сторону, отставляет грабли к стене и снова забегает Эллиоту за плечо, намереваясь и второй подход осуществить тем же замысловатым способом.

Эллиот Фишер

Когда Эллиот — самому себе на удивление — чётко даёт понять, что в случае инвентаря он будет жадничать до последнего и из рук ничего не выпустит, Аделина так быстро бросает попытки и убирает руки подальше, что Эллиоту даже кажется, будто она их за спину собирается спрятать, руки свои, — а может, и правда собирается, от Аделины, как Фишеру кажется, можно ожидать чего угодно. Эллиот твёрдо стоит на одном месте, даже не шевелясь почти, пока девушка ходит вокруг него кругами, и, впрочем, когда Аделина уже меняет свою траекторию пути, он всё равно особых движений не совершает, даже головой не вертит — Фишеру кажется, что, если он тут начнёт вертеться и двигаться куда-то, весь инвентарь вмиг просто из рук выскользнет и — на ноги. По пальцам. Ещё не зажившим, чтобы на них падало что-то тяжёлое — хотя парень очень сомневается, что не опасался бы падающего инвентаря, если бы на пальцы ещё ничего не падало. Да и собирать заново все эти грабли-лопаты не особо хочется при факте, что грабли имеют свойство цепляться за всё, что можно.

Но Эллиот от неожиданности чуть всё это сооружение из палок и железа не отпускает в свободное падение, когда рядом с его лицом чужие руки тянутся за инвентарём — его же предупреждать надо, он понятия не имеет, что там творят у него за спиной, а что, если бы повернулся, а ему — в нос локтём? При этом Аделина ещё и вплотную припадает к его спине, хотя этому Фишер объяснение дать может — чем ближе, тем легче же.

И почему-то когда первая порция инвентаря в лице граблей отправляется стоять у стены, Рутцен совершает точно такой же ритуал, как в первый раз, что Эллиота так и подмывает спросить: — А чо так-то именно всё вытаскивать надо, со спины, как партизан?

Но Эллиот не спрашивает: Эллиот молчит, как рыбка, и до сих пор не двигается, чтобы ничего никому не двинуло хоть в нос, хоть в живот, хоть по пальцам. Этого результата добиться просто, на самом-то деле.

Аделина Рутцен

Всё-таки не на пустом месте возникла легенда о капитальном различии мужской и женской логики - те действия и поступки, которые для Аделины ясны как день, для Эллиота, оказывается, глухо и почти беспросветно загадочны. Правда, юноша не спешит сотрясать этим откровением пространство, героически молчит. Но по его лицу видно - действия Аделины он приравнивает к невнятным и необязательным дикарским танцам, которые немке зачем-то приспичило исполнить на публику именно сейчас. Рутцен едва заметно улыбается уголками губ. Быть в статусе чудящей инопланетянки ей неожиданно нравится. Лёгкое, почти ласковое недоумение Эллиота для Аделины ощущается нежным синим бризом и приятно глазам. Поэтому немка, не смущаясь, кружит рядом с юношей дальше, всё так же неторопливо, поэлементно разбирая охапку садового инвентаря.

- Прости. Кажется-я-надолго, - кается Аделина, не ощущая себя, впрочем, особенно виноватой. И, выцепляя метёлку с особенно отвратительно длинной ручкой, щурится, боясь прогадать и ткнуть куда-нибудь не туда, и прижимается щекой к щеке Эллиота, практически обнимая юношу сзади. Длинная деревянная ручка путается, мешается, норовит забрести куда-нибудь на сторону, и в конечном итоге Рутцен ухитряется каким-то особенно заморочным способом просунуть её себе под мышку - и Эллиоту, соответственно, тоже. Конструкция по сложности выходит едва ли не сопоставимая с детской игрой в путаницу, и Аделина, по-прежнему полуобнимающая Эллиота, начинает озадаченно вибрировать, пытаясь разобраться, как бы ей теперь и метёлку высвободить, и всё-таки юноше в глаз не дать. С этой целью ведь изначально папуасские танцы и затевались - сохранить Эллиота в целостности и невредимости. Если сейчас этой целью пренебречь, то и всё мероприятие практически теряет смысл.
